

Глава 312 - Прощание с небесной тюрьмой

Следующие три дня.

В небесной темнице, где солнце и луна не видны, Цинь Ши погрузился в затяжную темноту, пучок слегка струящегося света, подобно трепещущей очаровательной бабочке, танцующей рядом с черной мантией, окрашенной в пятна и дрейфующей.

Три дня, одна поза, сидя на двух ногах, ладони раскладываются, пять пальцев просят небо, держа колени и резонируя сущностью ауры в мире.

Операция, его тело, благодаря прорывам, вызванным **беспокойной духовной энергией, постепенно подавилось, начало безопасно и мирно собираться в кристалл Духа среди, подвластных заклинанию замка, попавшего в ловушку.

Туд!

Серия быстрых шагов прошла по длинному небу, как скачущие дикие лошади снаружи Небесной Тюрьмы.

Пара черных блестящих зрачков смотрели в открытую, глаза Цинь Ши сверкали глубоким темным светом, а затем он встретил свой взгляд на базальтовые железные перила в сторону звука, идущего от Направление "Зонд": "Почти, пора?"

Сразу же после этого, десятки охранников, завернутые в сияющие доспехи, держа имперские пушки стояли рядом в ряд за пределами камеры, лидер действительно был не Цинь Юнь, но недавно продвинутый Spirit Breaking Realm среднего генерала, одетый в лазурные доспехи, имя: Пэн Сун.

А?

Манящий персиковый цветок глаз, брошенный на Пэн Сонг, сердце Лю Тинтинга неожиданно с намеком на потерю, губы и зубы озадачены, чтобы открыть и закрыть: "Как это может быть? Его? Разве не сказано, что чтобы послать в пустынные джунгли, нужно быть генералом Боевой брони Зеленого Ранга или выше?".

Мало ли она знала, что Цинь Ши подошел к Цинь Юню наедине после того, как три дня назад закончил разговор с ней и Хань Чхаем, ложно ответив на вопрос Гун Сунь Яня.

Надо сказать, что слова Гун Сунь Яня были действительно сильны, и Цинь Юнь в то время только колебался, прежде чем согласиться с просьбой Цинь Ши.

"Начинайте переключку, и те, кого посчитали, выйдут вперед!" Пэн Сонг растоптал ногу, и в руке сжал кусок пергамента, на котором были плотно записаны десятки имен: "Чжао Лэйлун, Хао Юй, Чжоу Тон, Ван Чжаобин..."

Один за другим имена избранных заключенных зачитывал Пэн Сонг, среди них было несколько знакомых личностей, например, старик, который рассказал ему о том, как Лю Тинтин и Толстяк Ван поменялись клетками.

Было несколько человек Лю Фэна.

Каждый раз, когда Пэн Сонг читал, тощее тело Хань Чая обрывалось рядом с Цинь Ши, и если

бы не постоянное присутствие Цинь Ши, он бы упал на колени со слабыми ногами.

Каждый заключенный, который был назван, казался уже мертвым, пара бледных лиц без крови, и инфекция, полная обиды, могла равномерно ощущаться на его теле.

"Хан Чай".

Бам! Наконец, то, что должно было прийти, всегда приходило, и звук голоса Понсона, как смертный приговор, ударил в сердце Хань Чая.

Когда его назвали, у Хана были белые зубы, и его худощавое тело продолжало трястись.

"Все в порядке, я здесь".

Глядя на Хань Чая, который немного дрожал рядом с ним, Цинь Ши не мог не посмеяться и немного поплакать, кишки этого ребенка действительно были не маленькие.

Но, думая об этом, он не виноват, боюсь, что в этой Небесной Тюрьме, кроме таких людей, как он и Лю Фэн, которые годами лизали кровь с клинка и долгое время откладывали жизнь и смерть, не было никого, кто бы не испугался услышать о пустынных джунглях.

Представьте себе, даже Лю Фэн немного скандалил, когда упомянул о бесплодных джунглях, не говоря уже о непосвященном Хань Цзае.

Хань Чай почувствовал тепло и нежность, исходящие от его плеча, и его дрожащее тело немного расслабилось, но были некоторые изменения в больших глазах, которые смотрели на Цинь Ши, "Старший брат...".

"Подожди, пока я вернусь, а потом я провожу тебя домой и отдам должное твоим родителям в Девяти Спрингах, они должны сильно по тебе скучать."

"Да!" Хан Чай обещал.

Не говоря уже о Хань Чай, Цинь Ши похлопал его по плечу, а затем вышел вперед очень свободно, непреднамеренно обнаружив восхитительный царский воздух на его теле.

Подойдя к Лю Тинтину, Цинь Ши завернул свой немного морщинистый черный халат и улыбнулся: "Ты сказал, что поможешь мне".

"Ты правда не боишься смерти?"

Если бы я знал, что так будет, Лю Тингтон говорил тихо.

"Боюсь, конечно, я боюсь смерти".

"Тогда почему ты все еще стоишь за него? Ты знаешь, что означают бесплодные джунгли или нет?" Ответ Цинь Ши заставил Лю Тинтина задать удивленный вопрос.

"Я не уверен насчет Пустынных Джунглей, но знаю одно, я могу не умереть, если займу его место, но если он уйдет, он точно умрет."

Говоря об этом, рот Цинь Ши был легкий, и был странный отсос в его глубоких глазах, как будто он сосал душу Лю Тинтин, по отношению к ней Смеясь, он сказал: "Вместо того, чтобы позволить ему умереть, почему бы не дать мне попробовать, как это было?".

"Стоит ли тебе это делать?"

"Только должен или не должен, нет никакой ценности, он мой брат, пока он все еще называет меня старшим братом, все это того стоит." Цинь Ши беззаботно улыбнулся: "Кроме того, я ценю свою жизнь и не хочу умирать".

В отличие от черных глаз Цинь Ши, более слабое тело Лю Тинтина не могло не трепетать, как будто даже душа внутри нее была опустошена, что делает ее не в состоянии помочь, но чувствовать себя очарованной.

"Хан Чай!"

Чуть позже Пэн Сонг был несколько нетерпелив и снова кричал.

Этот крик заставил Цинь Ши и Лю Тинтина вернуться в реальность, стоя за стройными пальцами Цинь Ши, вытолкнутыми наружу и натолкнутыми на стройную маленькую талию, в его глазах мерцала благодарность.

"Какая несправедливость!"

Нежность, исходящая от ее талии, вызвала у Лю Тинга испуг, проклиная, что то, что должно прийти, всегда придет, она ожидала, что так оно и будет.

Белые серебряные зубы кусали вверх и вниз, она беспомощно качала головой после того, как не покинула Цинь Ши, оглядываясь на Пэн Сун мягко роптала: "Брат Пэн Сун! Почему это ты?"

Нежный мягкий звук, пожирающий кости.

Все зрители были горячо окровавленными настоящими мужчинами, дрожащими, когда слышали это, и некоторые из них физически отреагировали немного.

У Цинь Ши глаза были немного вялыми, и если бы он не прикусил язык, то даже его бы заставило очарование и проклятие: "Ну и лисица!".

Отвали!

Мягкий голос заставил Пен Сона открыть рот.

Момент на самом деле был несколько светящийся, затем онемело помахал Цинь Ши, сигнализируя ему, чтобы присоединиться к команде.

Потом Лю Тинтин кокетливо взял коричневую бумагу из руки Пэн Сона и позвал тех немногих, кто не был назван, прежде чем продать ** следующему. Пэн Сонг: "Брат Пэн Сонг, будь осторожен на дороге!"

"Ну..."

Все это время Пэн Сонг находился в трансе, вывозя из Небесной тюрьмы дюжину или около того столь же онемевших охранников, а за ним следовал Цинь Ши и остальные пятьдесят заключенных.

Глядя на угасающую черную мантию у входа по винтовой лестнице в Небесную тюрьму, кокетливые миндальные глаза Лю Тингтинга постепенно сузились и перешли в мрачное состояние: "Ты должен вернуться!!"

Пфф!

Тонкий Хань Чай был слаб на обеих ногах, но стоять на коленях на земле было не из-за слабости, а из-за боли и нежелания внутри себя.

Сжимая кулак и ударяя по холодной земле до тех пор, пока не истечет кровью его ладонь Иньхун, прежде чем остановиться: "Старший брат, ты не должен быть в порядке...!". И ты сказал, что будешь смотреть, как я расту".

Я стану сильнее, и в следующий раз не буду полагаться на тебя.

Большие глаза Хань Чая сияли ярким светом, намек на всплеск тумана, и в этот момент он все еще не знал, что это изменение, это решение, которое изменило судьбу его жизни.

Заставляя его указывать прямо в конец, следуя этой фигуре, стоя на пике противостояния с богами и демонами, смеясь над жизнью и управляя миром.

.....

Слабый свет восходящего солнца на востоке еще не прошел над горами, а лишь слегка окрашен в красный цвет небоскреба.

Ранним утром рассвет распространился вниз.

Духовная энергия средней ступени Царского Духовного Царства кажется безмолвной под тысячеметровой морской глубиной, рассеиваясь вместе с черной мантией.

Первое, что вам нужно сделать, это оглянуться назад к трехэтажному павильону рядом с Небесной Тюрьмой, но вы не можете ошибиться в этот раз.

По пути в западной части редкого соснового густого леса.

Просто в густом лесу, еще яркие, зеленые деревья, листья папки росы воды, случайные цветы переливаются, небесный пение птиц, ручьи засыхают, с востока немного киноварь, довольно настроение.

"Свет снаружи открыт, эти бесплодные джунгли приговорены к человеческой опасности, глубины на самом деле каннибалы, действительно не должны судить о людях по внешности ах." Цинь Ши высунул язык и оплакивал бессмыслицу под беспомощностью.

Плач, но он не мог не поднять углы рта из-за этого нелепого перепада настроения.

Некоторое время спустя это было место, где Ци Артемизия и Ли Ци подставили его раньше, и их трупы исчезли, а не просто были захвачены шакалами или тиграми или очищены людьми Гун Сунь Яня.

Вероятность последнего должна быть выше.

.....

В то же время.

В трехэтажном павильоне рядом с развалинами Небесной Тюрьмы.

"Хм? Дыхание этого парня пропало?" Закрытые брови Гун Сун Яня бороздили и внезапно открыли ему глаза.

Бах!

Громким вздохом дверная рама комнаты, в которой находился Гун Сун Янь, была потрясена духовной силой, а тень, расположенная в комнате, сместилась: "Янь, что происходит?".

Взглянув на фигуру, глаза Гун Сун Яня утонули, фигура стояла с рукой в отрицательном, не так ли, старик с цветочными волосами в чертовом*?

Фу!

Гун Сун Янь не ответил, а просто стоял с одной рукой на столе, и с духовным светом в ладони, он исчез в комнате, напрасно оставив занавеску, висящую на окне, на спине хныканье и кёрлинг.

С небольшим наклоном бровей меча вниз, старик исчез на месте.

Они вдвоем забрались в Небесную Тюрьму, как фантом, разгуливая по Небесной Тюрьме, каждая из камер которой была опрокинута яростной духовной энергией, и несколько базальтовых прутьев случайно взорвались.

Но, в конце концов, он был полон взглядов и разочарований.

Пасуя на развалинах, цветочноволосый старик затянул морщины, как шрамы, и ворчал низким голосом: "Пусть это отродье сбежит?".

"Невозможно, эта Небесная Тюрьма на сто миль в твоей и моей власти, как он мог исчезнуть без всякой причины"? Если только... "Гун Сун Янь покраснел красным лицом и укусил зубы, но в середине его слов, его глаза и сердце изменились, и он вдруг повернулся врасплох и Хуа Фа...". Старики смотрели друг на друга.

"Это...?"

"Это бесплодные джунгли?"

В сердцах двоих возникла мысль, и лицо Гун Сун Яня на мгновение сместилось, вращая свои фигуры на месте и растворяясь в воздухе, оставив позади только ветреный ураган, подхвативший пыль высотой в десять метров.

.....

Вслед за армией Цинь Ши и другие проникли вглубь окраин бесплодных джунглей, где существовала духовная граница, полная пульсаций.

Волны Ци, идущие от этой границы, были пьянящими.

"Заходите, если вы можете найти Цветок, собирающий Дух, вы не можете не получить помилование и еще больше внимания со стороны Империи". За границей Пен Сонг держал копьё и тихонько скандировал на многочисленных заключенных.

Но это звучало как заманчивое предложение, но не половина заключенных была переведена в другое место.

Они смотрели на колеблющуюся границу, наполненную волнами воздуха, и их паника достигала крайности, как одно за другим их тела с тревогой разрывались, а некоторые из них даже падали на колени, не имея возможности содержать себя.

Бах!

Но в разгар отчаяния, бирюзовые и вечнозеленые шишковатые сосны в лесу сзади взорвались, вызвав громкий взрыв.

Громкий взрыв прервал все размышляющие и ошеломил их.

Цинь Ши, который был замешан в толпе, слегка бороздил брови, его черные глаза слегка двигались назад и скандировали: "Похоже, это было обнаружено?".

Ого!

Подумав об этом, он, не раздумывая, выпустил Печать Души, как холодный ветер ворвался в черные тени, которые устремились в жару бесплодных джунглей и исчезли на границе.

Бряк!

Сразу же после этого с неба упали две фигуры, и на обеих они были бледными, не так ли Гун Сунь Янь и беловолосый старик?

<http://tl.rulate.ru/book/153/934926>